

Пастухова Оксана Дмитриевна

ОБ ЭВФЕМИЗМАХ И ТАБУ

Статья описывает происхождение слов-табу и их связь с эвфемизмами. Приводятся несколько примеров сфер деятельности человека, в которых слова-табу и эвфемизмы были наиболее распространенными. Данная лексика начала свое функционирование с древнейших времен и продолжает активно использоваться. Основное различие употребления табу и эвфемизмов основано на восприятии использования данной лексики. Если ранее эвфемизмы-табуизмы произносились сознательно, то сейчас большая их часть используется носителем языка на бессознательном уровне.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/11-1/38.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 11(77): в 3-х ч. Ч. 1. С. 141-144. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Подводя итог, следует отметить несколько разновидностей инверсии в тексте Г. Спенсера по убыванию их частотности: препозиционное положение обстоятельств и дополнения, интерпозиционная инверсия (введение других членов предложения и конструкций между подлежащим и сказуемым), препозиционное расположение предиката и инверсия в сложном предложении. Использование инверсии объясняется следующими факторами: фокусированием внимания через акцентирование наиболее существенного слова или члена предложения; отражение логических связей, присущих ментальной деятельности; нарушение плавности повествования как маркер окончания одной мысли / положения; имитация и имплементирование в письменный текст синтаксических структур, характерных для устной речи, что привычнее и понятнее адресату, согласно концепции Г. Спенсера. Таким образом, можно предположить, что ученый реализовал в своей работе теоретические положения предложенного им учения о стиле, базовый принцип которого – приблизить научный стиль к стилю повседневной коммуникации.

Список источников

1. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
2. Кобрин Н. А. Порядок слов в английском предложении // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. Вып. 2. С. 75-83.
3. Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
4. Spencer H. The Philosophy of Style [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gutenberg.org/files/5849/5849-h/5849-h.htm> (дата обращения: 09.06.2017).
5. Spencer H. The Principles of Psychology [Электронный ресурс]. URL: <http://oll.libertyfund.org/titles/spencer-the-principles-of-psychology-1855> (дата обращения: 12.06.2017).
6. Swales J. M. Episodes in ESP. Hemel Hempstead: Prentice Hall, 1988. 301 p.
7. Swales J. M. Research Genres: Exploration and Applications. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 314 p.

**ON THE ISSUE OF WORD ORDER IN SCIENTIFIC TEXTS
(BY THE MATERIAL OF H. SPENCER'S WORKS)**

Oparina Ol'ga Igorevna, Ph. D. in Philology
Lomonosov Moscow State University
oloparina@rambler.ru

The article considers the types of word order modification as implementation of the informative and communicative functions of the language. H. Spencer's works are taken as an object of the research. Modifications are coordinated with the theoretical postulates advanced by the scientist, who took into account the features of mental and cognitive activity of a person, as well as his life and educational experience. As a result of the research it is revealed that the use of inversion is determined by different motivation: focusing, establishing and maintaining of logical coherence, semantic division of the text, facilitation of perception and understanding.

Key words and phrases: academic discourse; inversion; focusing; coherence; mental activity; communication.

УДК 81'373.49

Статья описывает происхождение слов-табу и их связь с эвфемизмами. Приводятся несколько примеров сфер деятельности человека, в которых слова-табу и эвфемизмы были наиболее распространенными. Данная лексика начала свое функционирование с древнейших времен и продолжает активно использоваться. Основное различие употребления табу и эвфемизмов основано на восприятии использования данной лексики. Если ранее эвфемизмы-табуизмы произносились сознательно, то сейчас большая их часть используется носителем языка на бессознательном уровне.

Ключевые слова и фразы: эвфемизм; табу; замена; запрет; слова-табу; эвфемизм-табуизм.

Пастухова Оксана Дмитриевна
Челябинский государственный университет
oksana-galaxy7@mail.ru

ОБ ЭВФЕМИЗМАХ И ТАБУ

Каждый язык включает в себя какие-то определенные темы, которые находятся под запретом упоминания в разговоре. Данные темы включают слова, которые нельзя упоминать в социуме в силу их негативной коннотации. С целью замены таких слов говорящий прибегает к помощи языковых и речевых эвфемизмов. Темы, находящиеся под запретом, затрагивают такие сферы деятельности, которые рассматривались как особенные, запретные, сакральные, тайные с древнейших времен. Следовательно, они требовали замены, и этой заменой стали эвфемизмы.

Если рассматривать эвфемизмы в этой функции, то их можно легко воспринять за табу, явление, когда употребление определенных слов находится под запретом. Каждая тема под запретом становится таковой в разные исторические периоды, это обусловлено многими факторами – историческими, религиозными, социальными, этническими, политическими и др.

Еще во время первобытного общества существовали суеверия. Люди боялись различных заклинаний, которые имели магическое действие, отсюда появились слова-табу, прямое наименование которых становилось запрещенным. Началось деление слов на сокровенные слова и общие. Сокровенные слова, или табу, нельзя было упоминать, так как, назвав их, говорящий обрекал себя на муки и даже на смертную казнь.

А. А. Реформатский писал, что «для замены табу слов нужны другие слова – эвфемизмы. Эвфемизмы – это замененные, разрешенные слова, которые употребляют вместо запрещенных (табуированных)» [4, с. 99].

История возникновения эвфемизмов связана с глубоко архаичными пережитками языковых запретов, или табу (в прошлом были под запретом названия опасных явлений, предметов и такие темы, как боги, болезни, мертвецы). Считалось, что если человек назовет что-то из вышеупомянутого, то есть вероятность того, что он вызовет само явление. Примерами могут послужить такие эвфемизмы, как “*black death*” (черная смерть) вместо “*plague*” (чума); “*the Prince of Darkness*” (принц тьмы) вместо “*devil*” (дьявол) (здесь и далее перевод автора статьи. – О. П.) [6].

Медведи – очень пугающие животные. Они настолько пугающие, что ранние племена северной Европы называли их другими именами из-за страха разозлить этих животных. Они называли их «поедателями меда» (honey eaters), «лизунами» (lickers) или «дедушками» (grandfathers). Само слово «медведь» (bear) произошло от эвфемистического термина, который означал «коричневый» (the brown one). Это один из старейших эвфемизмов, впервые записанный более тысячи лет тому назад [7].

А. А. Реформатский писал, что эвфемизмы-табу присутствовали в языке большинства индоевропейских народов. Славяне также не были исключением. Особенно часто эвфемизмы-табу встречались в лексике, связанной с названиями животных, например медведя и змеи. Русские слова *змея* и *земля* имели один и тот же корень, и слово «змей» имело буквальное значение «земной»; в латыни вместе с изначальным обозначением змеи (лат. *anguis*) появился эвфемизм-табу *serpens*, который переводился как «пресмыкающееся». Слово «медведь» среди охотников в древности также было эвфемизмом, но позже из-за страха перед этим животным у него появился второй эвфемизм, вытеснив из использования первый. Медведя стали называть *хозяином, зверем, ломакой, мохначом, потапычем, лесником* или же просто местоимением *он* [4, с. 99-100].

Как было сказано ранее, можно было наблюдать довольно часто, как страшным животным люди давали эвфемистические имена. Это особенно отмечали антропологи в конце XIX века. Члены племени Вайага (Wajagga tribe), жившего около горы Килиманджаро в Восточной Африке, верили, что хищники, которые обитали с ними рядом, нападали на них по инициативе умерших. Поэтому имена этих животных заменялись другими словами. Львы становились королями подземного мира, слоны – вождями. Если туземцы хотели выгнать слонов со своей территории, они также их часто называли «женская сумка» из-за схожести их сморщенной и потрескавшейся кожи с рыночными сумками женщин, используемыми в те времена. Некоторые малайские племена называли слонов гигантами, тигров – полосатыми и т.д. Индусские племена из региона Нагпур осознанно называли тигров длиннохвостыми, а змей – веревками. Слова по смыслу не сильно отличались от того, что они называли. Считалось, что тот, кто использует в речи запретное имя животного или явления, рискует вызвать само животное или явление. Сказать «муж» или «жена» не было проблемой, а вот сказать «тигр» или «Бог» – это уже было другое дело. Кто хотел их вызывать? Страх древних племен отражен в пословице «не буди лихо, пока оно тихо».

Из-за веры древних племен в то, что в словах есть сила, они старались избегать наименований хищников, врагов или злых сил. Они не использовали сами запретные слова, а употребляли заменяющие их. Эти слова считались безопасными. Как и современные эвфемизмы, они давали возможность племенам почувствовать себя более уверенными в своей безопасности. Так, используя слова-замены в речи, люди осознали свою способность создавать слова и употреблять их. Чем лучше это у людей получалось, тем больше они старались избегать прямых наименований, которые могли стать причиной опасности, страха или оскорбления. Здесь и начали появляться эвфемизмы – ключевые индикаторы возрастающей сложности речи. Сказать то, что мы хотим сказать, – это высший уровень мастерства, т.к. нам нужно передать смысл и при этом использовать нужную лексику [7].

Известный французский антрополог Л. Леви-Брюль в своей книге «Первобытное мышление» писал о жизни австралийских племен. В племени у каждого человека было два имени: одно из них было общеупотребительное, а другое – специальное, которое было известно только членам этого племени. Суеверный страх перед злыми силами часто порождал табу у отсталых народов, и поэтому люди прибегали к использованию специального имени, чтобы оградить себя от этих сил. Представители племени думали, что если они устранят некоторые названия предметов или лиц, то злые духи не смогут получить доступ к ним [3].

Во все времена люди верили во влияние имени человека на его судьбу. Магический оттенок до сих пор присутствует при выборе имени. В первобытные времена люди верили, что, выбрав имя человека, они тем самым определяют его судьбу. Помимо этого, древние народы верили в то, что имя и человек, которому принадлежит это имя, – это две неотъемлемые части, поэтому при упоминании имени человека при любых обстоятельствах или в составе с другими магическими словами можно навредить хозяину имени или даже погубить его. Из-за этих верований начали появляться табу или запреты на личные имена. Поэтому

древние народы сочли нужным придумать новые, так называемые охранные или обманные, вторые имена, которые могли бы употребляться в повседневном общении, а их первые имена оставались секретными. Прошлый век – это еще то время, когда традиция называть людей двумя именами, скрытым и явным, прослеживалась в некоторых русских семьях. В качестве примера можно привести семью Мусоргских. В семье русского композитора оба первых малыша умерли, будучи совсем маленькими. Когда родился старший брат Модеста Мусоргского, родители побоялись, что его может постичь та же участь, и чтобы это предотвратить, они дали ему тайное и явное имена – Филарет и Евгений. Они думали, что таким образом смогут спасти жизнь ребенка от злых сил, обманув и запутав их. Если темные силы захотят забрать малыша Евгения, они его не найдут, так как перед ними будет Филарет, поэтому и уйдут с пустыми руками, оставив младенца Филарета с его родителями [5].

Табу – это в первую очередь понятие этнографическое. Оно появляется на фоне мифов и верований. «Говорить об актуализации в процессе общения таких древних представлений у современного носителя языка вряд ли возможно; стремление табуировать “опасные” темы у современного человека если и проявляется, то бессознательно. Он не запрещает себе обозначение тех или иных объектов или явлений, свободен в их назывании и описании, и в то же время, в силу речевой привычки, старается избегать прямого ответа на вопрос: *Куда идешь?* Или отвечает полушутливо-полусердито: *На кудыкину гору продавать <воровать> помидоры*» [1, с. 64].

Подобные высказывания можно встретить в первую очередь у представителей традиционных культур – у людей, которые смогли сохранить довольно тесную связь с культурой предков. Такие культуры впитали в себя игры, приметы, ритуальные обряды, легенды, мифы, поверья, сказки, которые передавались из уст в уста, из поколения в поколение [Там же].

Слова-табу в наше время не всегда актуальны, и можно утверждать, что они утратили свою роль. Иногда все же мы можем встретить в речи обычного человека такие слова-замены, как *глава семейства, сам, он, хозяин* – вместо слова *муж* или же *сама, она, хозяйка* – вместо слова *жена*. Таких примеров много, и они скорее используются говорящим на бессознательном уровне, не задумываясь о функции, которую эти слова несли раньше.

Часто детей волнует вопрос «Как я появился на свет?», и родители ищут в замешательстве хороший, уверенный ответ. Родитель, являющийся носителем народной культуры, ответит заменой, не прямо. В роли этой замены выступают эвфемизмы: «тебя принес аист», «мы нашли тебя в капусте» или «мы купили тебя в магазине». Данный ответ скорее является шутливой отговоркой, которая дает возможность говорящему не высказываться прямо, так как он считает, что давать прямой ответ на такой вопрос еще рано. Есть вероятность того, что говорящий понимает и осознает (это все зависит от того, насколько человек компетентен в плане культуры, традиций и верований своего народа), что у этих эвфемизмов есть магическая роль – данные выражения раньше служили оберегами детей от злых духов.

Определить то, насколько сознательно говорит человек, даже хорошо знакомый с народной культурой, сейчас довольно тяжело. Скорее всего, человек использует такие ответы в своем диалоге с ребенком не с целью оградить его от злых духов или сил, а с целью в шуточной форме уйти от ответа. Ведь тема тайны рождения ребенка остается не столько запрещенной в речи, сколько деликатной, и многим родителям тяжело определить правильный возраст, когда эту тему можно обсуждать с детьми.

Получается, что в итоге у нас не старые эвфемизмы-табу, а уже совсем новые эвфемизмы. Они обладают не магическими функциями, как старые эвфемизмы-табу, им свойственна другая функция – этикетная.

Носитель культуры и носитель языка в одном лице при выборе эвфемизма в своей речи опирается на знания правил этикета и культурного общения. Зная все это, он старается не использовать грубые, невежливые, нетактичные и неприличные выражения. Им более не движет желание уберечь себя и своих близких от злых духов, которые, возможно, окружают или преследуют их.

Б. А. Ларин был первым исследователем, который посчитал уместным разделять эвфемизмы на старые (замена или переименование слова по запрету или слова-табу) и новые (слова-эвфемизмы в их современном понимании). «Следовало бы четко отграничить пережиточно сохраняющиеся слова-заменители по запретам древних религий (табу) от современных эвфемизмов. Наименования одних – “старыми эвфемизмами”, других – “новыми эвфемизмами” недостаточно отражало бы их существенное различие. Если мы сохраним для последних термин “эвфемизм”, то для древних “подставных” названий можно было бы предложить обозначение “переименование по запрету” вместо не столь ясных и удобных “языковые табу” или “слова-табу”. Непосредственные исторические связи с эвфемизмами нового времени имеют только те переименования по запрету, целью которых является приукрасить свой предмет, чтобы отвратить его дурное воздействие. Однако мотивы их создания в эпоху феодализма и капитализма существенно отличаются от древних – религиозных. В новые времена эвфемизмы порождаются либо лживой моралью (дом терпимости, публичный дом, богоугодное заведение), либо ужимками жеманности (собака подняла ножку, у него не было стула, она в интересном положении, мне захотелось обойтись носовым платком)» [2, с. 109].

Таким образом, мы видим, что слова-табу и эвфемизмы – это слова, близкие по значению, в некоторых контекстах их можно считать контекстуальными синонимами и тем самым заменять без изменения значений. Если раньше слова-табу или эвфемизмы использовались преднамеренно, чтобы не вызвать злых духов, не получить наказание, то сейчас эвфемизмы приобретают другую функцию – приукрасить или утаить что-то, неприятное для слушающего, хотя функция замены продолжает сохранять свою силу. Важно также отметить, что эвфемизмы-табуизмы многие лингвисты относят к низкому стилю.

Список источников

1. Ковшова М. Л. Семантика и прагматика эвфемизмов. М.: Гнозис, 2007. 319 с.
2. Ларин Б. А. Об эвфемизмах // Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. М.: Просвещение, 1977. С. 101-114.
3. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М.: Атеист, 1930. 340 с.
4. Реформатский А. А. Введение в языкознание. М.: Наука, 1967. 544 с.
5. Суперанская А. В. Имя через века и страны. М.: Наука, 1990. 192 с.
6. Holder R. A Dictionary of Euphemisms. N. Y.: Oxford University Press, 1996. 321 p.
7. Keyes R. Euphomania: Our Love Affair with Euphemisms. N. Y. – Boston – L.: Little, Brown and Company, 2010. 146 p.

ON EUPHEMISMS AND TABOO

Pastukhova Oksana Dmitrievna
Chelyabinsk State University
oksana-galaxy7@mail.ru

The article describes the origin of taboo words and their connection with euphemisms. There are several examples of areas of human activity in which the words-taboo and euphemisms were the most common. This vocabulary began its functioning from ancient times and continues to be actively used. The main difference between the use of taboo and euphemisms is based on the perception of the use of this vocabulary. If previously euphemisms-tabooisms were pronounced consciously, now most of them are used by the native speakers at the unconscious level.

Key words and phrases: euphemism; taboo; substitution; ban; words-taboo; euphemism-tabooism.

УДК 8; 81

В статье актуализируется содержание понятий «лингвокреативная деятельность», «языковая игра» с позиций гендерологии в лингвистической науке, которые приобретают все более широкое распространение в современных средствах массовой информации и выступают в качестве регулятора целевой аудитории посредством используемых языковых средств в рекламных текстах. Основное внимание автор акцентирует на проанализированных примерах лингвокреативности в английском и немецком языках как способе описания гендерных категорий «маскулинности» и «фемининности» на материале печатных глянцевого «мужских» и «женских» изданий в период 2014-2017 гг. Сделан вывод об эффективности использования творческого подхода при составлении рекламных текстов.

Ключевые слова и фразы: гендер; рекламный текст; лингвокреативная деятельность; языковая игра; «мужская» реклама; «женская» реклама.

Патрасенко Виктория Александровна
Российский университет дружбы народов, г. Москва
vikason08@mail.ru

**ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЙ АСПЕКТ ГЕНДЕРНЫХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКИХ И АНГЛИЙСКИХ СМИ)**

Реклама представляет собой индивидуальный продукт языкового сознания, который носит ярко выраженный антропоцентрический характер. Она является влиятельным звеном средств массовой коммуникации и, будучи неотъемлемой частью массовой культуры, оказывает непосредственное воздействие на носителей языка, принимает активное участие в формировании языкового сознания как мужчин, так и женщин. Гендерный аспект в рекламном тексте задает специфические принципы передачи, восприятия и интерпретации информации. Повышенный интерес к различным коммуникативным стратегиям, своеобразию способов презентации гендерно-маркированных категорий «маскулинности» и «фемининности» обуславливает актуальность обозначенной проблематики. Основная задача статьи направлена на исследование лингвокреативного аспекта описания английских и немецких рекламных текстов.

Соотношение понятий «лингвокреативная деятельность» и «языковая игра»

На сегодняшний день отчетливой, универсальной дефиниции понятия «лингвокреативная деятельность» нет ни в лингвистических справочниках и словарях, ни в работах ученых-лингвистов. Вероятнее всего, причиной отсутствия четкой формулировки этого понятия послужил тот факт, что его значение кажется интуитивно понятным. Следует полагать, что такая кажущаяся понятность все же обманчива, о чем свидетельствуют лингвистические исследования Т. А. Гридиной, анализирующей творческие проявления речевой деятельности в различных типах дискурса. Среди ее последователей известные ученые языковеды, психологи,